

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)

Институт истории

Зав. кафедрой
истории Нового и новейшего
времени
д.и.н., профессор
_____ /В.Н. Барышников/

Председатель ГАК,
д-р культурологии, профессор
_____ /Н.М. Калашникова/

Выпускная квалификационная работа на тему:
**««ШЛЕЗВИГ-ГОЛЬШТЕЙНСКИЙ КРИЗИС (13 НОЯБРЯ 1863 – 30 ОКТЯБРЯ
1864) И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ РОССИИ И
АНГЛИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ»**
по направлению 030600 – История
профиль: Всеобщая история

Рецензент:
Платт Т.

_____ (подпись)

Выполнил:
студент 4 курса
дневного отделения
Козлов Никита
Олегович

Научный
руководитель:
д.и.н., профессор
Барышников В.Н.
_____ (подпись)

Работа представлена в комиссию
«_____» _____ 2016 г.
Секретарь комиссии:

Санкт-Петербург
2016

Оглавление

Введение.....	3
1. Шлезвиг-Гольштейнский кризис 1863-1864 гг. и российское общество	12
1.1 Общественно-политические условия существования общественного мнения в России в канун Шлезвиг-Гольштейнского кризиса.....	12
2.1 Шлезвиг-Гольштейнский кризис в отражении общественного мнения России	20
2. Шлезвиг-Гольштейнский кризис 1863-1864 гг. и английское общество	36
2.1 Общественно-политические условия существования общественного мнения в Англии в канун Шлезвиг-Гольштейнского кризиса	36
2.2 Шлезвиг-Гольштейнский кризис в отражении общественного мнения Англии ...	41
Заключение.....	50
Список использованных источников и литературы.....	54

Введение

Обострившийся Шлезвиг-Гольштейнский кризис в конце 1863 и война Австрии и Пруссии против Дании в 1864 году, вызвали широкий общественный резонанс в Европе. Международные политические вопросы, и уж тем более вызванные ими кризисы и войны, всегда привлекали внимание передовой общественности каждой из европейских стран, в особенности великих держав, а развитие идей национализма, расширение гражданского самосознания повышали интерес публики ко внешней политике. Так к 1864 году существовало множество таких уникальных, но в основе своей одинаковых вопросов международного значения: польский, восточный, германский и другие, на которые еще не было дано ответов. Их сходство заключается в общем стремлении различных народов Европы к созданию суверенных национальных государств. Тем не менее, справедливым будет замечание, что процессы создания наций-государств всегда сопряжены с геополитической и международной перестановкой сил. Такие изменения очень чутко и внимательно воспринимались общественным мнением великих держав, чье «великодержавье», выраженное в имперской идее, предполагало обязательное участие в регулировании международных кризисов. Таким образом, Шлезвиг-Гольштейнский кризис стал самым насущным вопросом европейской дипломатии почти на целый год. Особенность данного кризиса состояла в том, что он был частью более крупной и обширной проблемы, такой как германское единство. Эта взаимосвязь позволяет взглянуть на события, развернувшиеся в маленьких герцогствах Шлезвиге и Гольштейне, и на события Датской войны 1864 года, не только в рамках датско-немецких отношений, а в контексте процесса немецкого национального объединения.

Учитывая тесные русско-немецкие экономические и культурные связи в этот период, германский вопрос имел большое значение для российской

внешней политики, в особенности – отношения с Пруссией и Австрией, великими европейскими державами. Когда-то они вместе входили в состав Священного союза, организацию для поддержания мира и монархического строя в постнаполеоновской Европе, однако к концу 1850-х годов этот союз, в силу усилившихся противоречий канул в лету, и отношение российского общества к проводимой немцами политике приобретала новые значения.

Исключением не стала и экономический, и промышленный лидер XIX века, «владычица морей» - Великобритания. Англия, ранее всех закончила, в основном, промышленный переворот. Уже в середине XIX века в Англии сложились некоторые черты империализма — значительно ранее, чем во всех других странах¹. Но Британская империя была не только экономическим лидером. Ее социально-политическое развитие для многих исследователей является образцом строительства демократии, а парламентская система признается одной из самых эффективных. Конечно, не стоит идеализировать Англию середины XIX столетия, многие феодально-реакционные пережитки так же сохранялись в этом государстве, как и в других странах. Но несомненно то, что английское общество в XIX веке было одним из самых передовых, отчего его мнение на протекающие международные события представляется интересным полем для исследования.

Отношения между Германией и Англией, между Россией и Германией играли определяющую роль в историческом развитии стран на протяжении первой половины XX века. Две мировые войны наложили свой отпечаток, как на отношения между государствами, так и на общественные представления в каждой из стран о «другом» народе. Такая неустойчивая категория, как «представления», обладает свойством кристаллизоваться в более устойчивые формы, в предрассудки. Как известно, предрассудки относительно «другого» на уровне народов обращаются в стереотипы коллективного сознания и являются неискоренимыми, «сохраняясь в виде устойчивых стереотипов, то замирающих, то оживляющихся и

---

¹ Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии 1815-1917. М., 1959. С.78.

возрождающихся в определенных ситуациях».² В связи с этим изучение коллективных представлений народов друг о друге, механизма их возникновения, распространения и изменения получает сегодня особое значение. Если говорить в этой связи о российско-немецких и англо-немецких отношениях, то процесс объединения Германии позволяет выделить аспект данной проблемы – образ немецкого государства и немецкого национализма, его оценки, сложившиеся в российском и английском общественном мнении. Сравнение восприятия событий Шлезвиг-Гольштейнского кризиса в Англии и России позволяют нам выявить общественные приоритеты во внешней политике каждой из стран, определить роль каждой из стран в охвативших Европу национальных движениях.

Целью данной работы является выявление особенностей отражения Шлезвиг-Гольштейнского кризиса 1863-1864 гг. в Англии и России; определить место Шлезвиг-Гольштейнского кризиса 1863-1864 гг. в общественном мнении России и Англии.

Для того, чтобы достигнуть целей, поставленных перед исследователем, необходимо решить следующие задачи:

1. Исследовать общественно-политические условия существования общественного мнения в Англии и России и выявить реакцию общественных кругов России и Англии на события Шлезвиг-Гольштейнского кризиса.

2. Сравнить особенности восприятия событий кризиса в России и Англии.

Методологическую основу работы составляют базовые принципы исторической науки – историзма, объективности, системности. Принцип историзма позволил изучить исследуемые явления в их конкретно-исторической обусловленности, развитии и соотношении с другими явлениями. Принцип научной объективности обеспечил приближение к действительной картине прошлого. Принцип системности, подразумевающий

---

² Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских людей XIX века. М., 2000. С.8.

анализ исторических явлений с точки зрения их системной взаимосвязи, позволил воссоздать обобщенную картину, выявить закономерности исторических процессов.

Подходя к изучению общественного мнения, необходимо определить содержание этого понятия в первую очередь для того, чтобы очертить круг возможных источников, на которых будет основываться исследование. Следует отметить, что термин «общественное мнение» используется в разных науках об обществе и не имеет общепринятого значения. Универсальным можно считать следующее определение термина «общественное мнение» - способ существования массового сознания, в котором проявляется отношение (скрытое или явное) различных групп людей к событиям и процессам действительной жизни, затрагивающим их интересы и потребности. Однако анализируя «общественное мнение» XIX в. нельзя механически переносить и применять к нему подходы и понимание века XXI. Решить эту непростую задачу можно, используя, во-первых, результаты исследований ученых, разрабатывавших подобную тематику, во-вторых, суждения современников рассматриваемых событий, которые дали свое видение проблемы содержания и источников общественного мнения.

Хронологические рамки данной работы сравнительно узки: с начала Шлезвиг-Гольштейнского кризиса в ноябре 1863 по конец войны 30 октября 1864 года, когда был подписан Венский мир. Однако за этот год во многом определились и дальнейшее развитие Германии, и судьба политической карьеры Отто фон Бисмарка, министр-президента прусского правительства, человека, который менее чем через 7 лет объединит Германию под главенством прусской династии Гогенцоллернов. Австро-прусско-датская война 1864 года стала первым крупным и, как оказалось, успешным внешнеполитическим делом Бисмарка. В 1864 году «железный канцлер» на берегах Северного и Балтийского морей заложил прочный фундамент для будущего здания Германской империи. Альфред Штенцель в своем колоссальном труде о военно-морской истории совершенно точно заметил,

что «отсюда можно считать начало сильного политического возрождения Германии»³.

Источниковой базой для исследования российского общественного мнения послужили ведущие периодические издания Санкт-Петербурга и Москвы.

Среди ведущих консервативных органов печати были «Московские ведомости» и петербургская «Весть». Эти газеты представляли мнение традиционно консервативных слоев российского общества – помещиков и дворянства.

В силу охватившей Россию промышленной революции и развития капитализма в стране либеральные органы печати буржуазии оказывали сильное воздействие на российские умы. Такие газеты, как «Голос» и «Санкт-Петербургские ведомости» были одними из самых тиражируемых изданий. Среди либеральных периодических изданий не менее полезным для данного исследования является петербургская газета «Биржевые ведомости», издаваемая промышленником и банкиром К.В. Трубниковым, так как она отражает точку зрения передовых слоев общества. Достаточно полноценную и точную информацию можно подчерпнуть из периодических изданий с иностранными корреспондентами, как, например, в печатном органе «Иллюстрированная газета».

Источниковой базой для исследования английского общественного мнения послужили ведущие периодические издания Лондона за 1863 и 1864 года. Поскольку публицистика в Англии к середине XIX столетия достигла значительных успехов, число изданий, выпускаемых в Англии в тот период, столь многочисленно, что источниковое поле кажется безграничным. Но автором все же была предпринята попытка систематизировать и отобрать наиболее значительные источники по принципу влияния и наибольшего тиражирования изданий.

---

³ Штенцель А. История войн на море. М., 2002. С.621.

Наиболее популярными изданиями были такие издания, как «Times», «Daily Telegraph», «Daily News». Перечисленные выше издания Карл Маркс в своей статье «Известие о деле Трента...» называет пальмерстоновскими⁴. Пальмерстон действительно широко задействовал «четвертую власть». Как пишет Виноградов К.Б., «Пальмерстон очень охотно и умело прибегал к услугам прессы и активно участвовал в формировании соответствующих настроений в общественных кругах»⁵. Отсюда логичен вывод о том, что многие издания, несмотря на объявленную независимую и объективную позицию, носили полуофициозный характер и отражали правительственную линию. Стоит сказать, что такие издания, как «Times», «Daily Telegraph», «Daily News» обладали широкой аудиторией, что способствовало лорду Генри подготавливать публику и проводить свою политику с меньшим сопротивлением со стороны общественности.

Хорошим источником для исследования общественного мнения Англии во время Шлезвиг-Гольштейнского кризиса являлся журнал «Spectator». На страницах этого издания регулярно помещались критические статьи политологической направленности. Данный журнал в основном был распространен среди сторонников Консервативной партии, которая находилась в оппозиции в момент Шлезвиг-Гольштейнского кризиса, поэтому там нередко можно найти альтернативные воззрения на британскую внешнюю политику.

По истории Шлезвиг-Гольштейнского вопроса написано немало научных трудов историками разных стран. Все они различны по своему содержанию и направлению.

О датской войне 1864 года писали еще ее современники. Немецкие историки второй половины XIX века, такие как Генрих Зибель и Вильгельм Онкен, изображали Пруссию защитницей и покровительницей германских национальных интересов. В данных исследованиях особое внимание уделено

---

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1959. Т.15. С. 404-409.

⁵ Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и Новейшая история. 2005. №6. С. 57.

формально-юридической стороне Шлезвиг-Гольштейнского кризиса: вопросу о престолонаследии и конституционной проблеме. Подобная точка зрения прослеживается и в более поздних работах.

Английские исследователи так же основательно изучали Шлезвиг-Гольштейнский вопрос. В их работах можно увидеть оправдание политики Англии во время объединения Германии, в частности, во время Шлезвиг-Гольштейнской войны. Английский историк Лоуренс Стифель в 1932 году написал книгу «Шлезвиг-Гольштейнский вопрос», в которой он привлек ряд новых материалов. В этом труде Стифель заверяет в миролюбивой политике Англии и отмечает поддержку, оказанную Дании со стороны Англии. Основательный труд Марка Эмбри «Первая война Бисмарка» хорошо показывает возвышение Пруссии и формирование Европы XX века.

В русской историографии война 1864 года так же хорошо исследована. В российских исторических журналах можно найти немало статей по Шлезвиг-Гольштейнскому вопросу. Ход военных действий между Пруссией и Данией и военные планы сторон подробно изложены в труде исследователя В. Чудовского «Война за Шлезвиг-Гольштейн 1864 года», изданную по горячим следам в 1866 году.

Книга советского историка Лидии Карловны Роотс «Шлезвиг-Гольштейнский вопрос и политика европейских держав» позволяет детально изучить Шлезвиг-Гольштейнский вопрос, а также позиции Великих европейских держав во время войны. Полученные автором выводы до сих пор являются актуальными в исследовании Шлезвиг-Гольштейнского вопроса.

Приведенные выше труды в основном освещают событийно-фактологическую сторону Шлезвиг-Гольштейнского кризиса, концентрируя внимание читателя на политической подоплеке событий. Тем не менее существуют труды, в которых частично рассмотрено и восприятие кризиса общественностью европейских стран. Одним из таких трудов является книга В.В. Сергеева «Англия и объединение Германии: 1848-1871 гг.». В ней автор

не только последовательно исследует английскую политику в германском вопросе, но также освещает и отражение данного вопроса в английском общественном мнении. Глава, посвященная английской дипломатии времен Шлезвиг-Гольштейнского кризиса, показывает тот микроклимат в среде английской общественности, на который накладывались события в Дании.

Не менее ценным для исследования является и книга историка Л.И. Нарочницкой «Россия и войны Пруссии в 1860-х за объединение Германии «сверху». Освещая на основе многочисленных источников отношение царской России к войнам Пруссии в 1860-х, автор анализирует реакцию различных идейных и политических течений на активизировавшийся процесс объединения Германии. Правда, выбранный Нарочницкой классовый подход к изучению проблемы, в котором она делит российскую общественность на помещичье-буржуазный и революционно-демократический лагеря не позволяют рассмотреть многообразие оценок Шлезвиг-Гольштейнского кризиса в российском общественном мнении.

Поистине, значимым произведением является монография В.Я. Гросула «Общественное мнение в России XIX века». В нем автор рассматривает социально-политические и культурные условия существования общественного мнения в России, его развития и трансформации. Недостатком книги для нашего исследования может послужить лишь то, что В.Я. Гросул недостаточно осветил взаимосвязь общественного мнения и внешней политики страны.

О существовавшем и постоянно меняющемся образе немецкого народа в российском коллективном сознании написана статья Оболенской С.В. «Германия и немцы глазами русских». В ней исследователь сделал попытку показать всю сложность и многообразие факторов, влияющих на представления российского общества о немецком соседе.

Данная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Во введении обоснована актуальность темы исследования, сформулированы цели и задачи, определены хронологические рамки. Дается характеристика рассматриваемой проблемы, анализируется изученность проблемы и ее источниковая база.

В первой главе произведено исследование общественно-политической среды в России, которая определяла характер общественного мнения и степень его влияния на политику, а также осуществлен анализ отражения событий кризиса в России.

Во второй главе аналогичная работа проведена в отношении Англии.

В заключении представляются итоги проделанной работы, производится сравнение полученных результатов и формулируются полученные выводы.

1. Шлезвиг-Гольштейнский кризис 1863-1864 гг. и российское общество

1.1 Общественно-политические условия существования общественного мнения в России в канун Шлезвиг-Гольштейнского кризиса

Российская общественность в первое десятилетие правления Александра II составляла относительно небольшую, в сравнении с общим населением страны, группу людей. По приведенным известным российским социологом Б.Н. Мироновым данным, численность населения России к 1860-му году на территории непосредственно русских земель (то есть на территории России в границах 1646 года – без Польши, Финляндии, Украины, Белоруссии, Прибалтики и Северного Кавказа) составляла 40,8 миллионов человек ⁶. Долю такой социальной «прослойки» как общественность – людей с чьими интересами считается верховная власть при проведении политики - Миронов, исследовав данный показатель в различные эпохи, начиная с XVII века, определяет в 2,5 - 4 % к 1855-му году⁷. Не останавливаясь на эпохе реформ 1860-х, следующие данные, относящиеся уже к 1870-му году, Миронов определяет уже в 10%. Приведённые цифры демонстрируют крайнюю неравномерность развития российского общества, тем не менее в них все-таки наблюдается положительная тенденция роста. Увеличение числа людей, которых можно отнести к общественности, конечно, объясняется и демографическими причинами, однако только ими вряд ли можно объяснить более чем двукратный рост численности этой социальной группы за одно десятилетие. Такое различие в цифрах иллюстрирует и те социально-политические и

---

⁶ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. СПб., 2003. Т.1. С. 20.

⁷ Там же. С. 211.

культурные изменения, которые последовали за воцарением Александра II и проводимой им политикой масштабных реформ: либерализация общественной жизни, шаги к гражданскому обществу, ослабление цензурных ограничений. Реформы Александра II расширили социальную мобильность в российском обществе. В состав общественности, помимо традиционно входивших в нее дворянства, духовенства и верхов торгово-промышленных кругов стали входить и представители интеллигенции. Все это говорит о том, что в России повышался политический вес общественности, ее мнение становилось фактором, который правительство вынуждено было учитывать при проведении политики.

Первое десятилетие царствования Александра II (1855-1865 гг.) нередко сравнивают с временем начала правления его дяди - Александра I, с тем временем, о котором лучше всего говорят строки бессмертного классика: «Дней Александровых прекрасное начало». Определенные аналогии имеют право на существование: оба монарха вступили на престол после сильных, жестких, отчасти деспотичных царей, оба начинали свое правление с либерально-реформаторским уклоном, оба Александра сильно контрастировали на фоне своих венценосных предшественников. Но если говорить о либерализации культурно-творческой сферы, об активизации общественно-политической мысли и о повышении значения общества в политике государства, то начало данных процессов произошло все же при Александре II. Состояние государства и общества во время перехода от консервативной, реакционной внутренней политики к политике на либеральных началах, сопровождаемое сменой правителя, часто называют «оттепелью», что применимо и к началу царствования Александра II. И, видимо, впервые данное выражение было использовано по отношению к периоду второй половины 1850-х гг. Ф.И. Тютчевым в своем письме к Аксакову И.С.⁸ Действительно, передовые умы России очень чутко воспринимали ослабление реакционного курса во внутренней политике.

---

⁸ И.С. Аксаков в его письмах. В 3 т. М., 1892. Т. 3. С.115.

После Крымской войны, вскрывшей целый слой внутривластных проблем, общественность почувствовала свою «важность». Журналист и историк литературы Н.А. Энгельгардт замечает, что «период с 1855 по 1865 гг. составляет нечто цельное, полное единым духом и порывом»⁹.

Значительно отличаясь от предыдущих лет, первые годы царствования Александра II вызвали самые восторженные чувства у российской общественности. И.С. Аксаков очень восторженно пишет об этом: «Откуда ни возмись, «общественное мнение», - которого и существования не подозревали, и в принципе не признавали, - явилось такую неодолимой нравственной силой, которой никакая в мире живая сила, личная власть не могла сопротивляться»¹⁰. Масштабы влияния общественного мнения Аксаков явно преувеличивает, зато оно отражает сближение различных идейных направлений в осознании необходимости реформ. Это консолидация вокруг необходимости перемен в стране устанавливала новые механизмы взаимодействия общественности и государства. О том, как менялась роль общественного мнения в эти годы пишет В.Я. Гросул: «Сдвиги, происшедшие в те годы, наложили неизгладимый отпечаток на всю последующую жизнь страны, и можно говорить с полной уверенностью о том, что общество набрало новую силу и его значение в масштабах всей страны заметно усилилось»¹¹. Ослабление цензурного надзора привело к тому, что в такое тяжелое для государства время общество начинает активно обсуждать проблемы, стоящие перед Россией и российским обществом.

Но все же говорить об общественном мнении как о ключевом факторе, влияющем на политику России, говорить не приходится. Как довольно четко замечает Энгельгардт, российское правительство во избежание «подпольных брожений» и нуждаясь в поддержке в проведении реформ, ослабило цензурный надзор, хотя он довольно категорично определяет состояние общественной мысли в 1855-1865 гг. как «глухое, придавленное

---

⁹ Энгельгардт Н. Очерки истории русской цензуры в связи с развитием печати. СПб, 1904. С.246.

¹⁰ Цит. по: История России XVIII—XIX веков / под ред. Л.В. Милова. М., 2006. С.653.

¹¹ Гросул В.Я. Общественное мнение в России XIX в. М., 2013. С.218.

предварительной цензурой¹²». Российская власть, установив границы, в которых могла развиваться общественно-политическая мысль, оказывала подавляющее влияние на формирование общественного мнения. Правда тогда это понимали не все. Примечательным явлением, указывающим на это, была опубликованная в Русской газете статья¹³. Статья «Об изобличительной литературе» вызвала неоднозначную реакцию, поскольку в ней утверждалось лишь о «зарождении» общественного мнения, тогда как было широко распространено мнение, что оно «возрождается» после долгих лет николаевского правления. Можно говорить о том, что общественное мнение в России, как политическая сила находилось еще в процессе становления и не имело самостоятельной роли к 1863-1864 гг. Тем не менее правительство уже не могло полностью игнорировать его и осуществляло попытки формировать его и направлять в нужном русле.

В отечественной историографии существует традиционное разделение органов печати 1860-х годов по их идейно-политической направленности на консервативные и либеральные. Однако в действительности это деление имеет весьма условный характер и не соответствует традиционному различиям этих двух идеологических течений. «Несмотря на серьезные расхождения по отдельным вопросам между либералами и крепостниками, взгляды всего помещичье-буржуазного лагеря имели общую основу, состоявшую прежде всего во враждебности всего этого лагеря к революционным движениям» - так характеризует российское общественное мнение 1860-х годов историк Нарочницкая¹⁴. Тем не менее в русской печати возникали разногласия в интерпретации различных вопросов внутренней и внешней политики.

Среди изданий консервативного толка выделяются «Московские ведомости» и «Весть», которые особенно чутко воспринимали события

---

¹² Энгельгардт Н. Очерки истории... С.245.

¹³ Цит. по: Гросул В.Я. Общественное мнение... С. 261.

¹⁴ Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М., 1960. С.160.

Шлезвиг-Гольштейнского кризиса. Данные газеты отстаивали охранительные и монархические идеи, выступая за верность России принципам легитимизма в вопросах внешней политики. Многие современники отмечали талант М.Н. Каткова, главного редактора газеты «Московские ведомости» с 1863 года, который занимает видную роль истории русской журналистики. Именно при нем «Московские ведомости» начали играть заметную роль и пользоваться влиянием в правительственных кругах и среди представителей реакционно-консервативной части общества. Газету «Весть» часто небезосновательно называют органом «неокрепостников» и ультраконсервативной газетой, ввиду ее верности идеалам политической системы Николая I и сопротивлению крестьянской реформы 1861 года. Данное обстоятельство предопределяло характер отражения событий Шлезвиг-Гольштейнского кризиса и его оценок на страницах газеты «Весть».

Среди либеральных органов печати наиболее влиятельным и тиражируемым была петербургская газета «Голос», созданная в 1863 году уже опытным к тому времени газетным предпринимателем Краевским А.А. Свою публицистическую деятельность Краевский начинал еще в 1830-х годах в пушкинском «Современнике». Когда он основал в 1863 году «Голос», за его плечами уже имелся огромный опыт редакторской работы в таких известных периодических изданиях, как «Санкт-Петербургские ведомости», «Русский инвалид», «Отечественные записки». В то же время он был известен в правящих кругах и имел связь с министром внутренних дел П.А. Валуевым, что обеспечивало наличие у издания надежных информационных каналов и реалистичных интерпретаций происходивших событий. Среди других газет либеральной направленности нельзя не упомянуть о таких газетах, как «Санкт-Петербургские ведомости», «Биржевые ведомости». Особняком стоит газета «День» - главный орган славянофилов, издававшийся И.С. Аксаковым. Назвать «День» либеральной газетой можно лишь с оговорками, тем не менее на ее страницах наблюдается некая оппозиционность

правительственному курсу. Газета освещала самый широкий круг проблем, которые существовали перед Россией и российским обществом.

Однако необходимость внутренних преобразований после Крымской войны не ослабила интерес в России к проблемам внешним. Военное и дипломатическое поражение и последовавшее за этим снижение международного престижа России оставались не менее актуальными вопросами для Российской общественности. По свидетельствам из отчетов III отделения, «вопросы внешней политики занимали второе после крестьянского вопроса место»¹⁵. Как пишет Виноградов В.Н.: «Первые же послабления для печати привели к публицистической активности, и весь свой гнев общество обрушило на губительный внешнеполитический курс николаевского режима»¹⁶. Российская общественность крайне тяжело переживало крах Священного союза, разрушенного Крымской войной, и изменение расклада сил в «европейском концерте». При этом российское общественное мнение вполне разделяло проводимую правительством политику, которую в двух словах была выражена известной фразой А.М. Горчакова «Россия сосредотачивается».

В оценках международной политики российская печать в целом ясно отдавала себе отчет в том, что после Крымской войны роль и значение России в международных отношениях Европы резко упали. Рухнула и система Священного союза с ее принципом монархической солидарности. Россия оказалась политически изолированной. Кроме того, со времени Парижского трактата 1856 года влияние царской России на Балканах было подорвано, и господствующей силой на Ближнем Востоке были западные державы — Англия, Франция и Австрия. Российское правительство и общество вынуждены были нащупывать новую ориентацию в международной политике в обстановке, которая еще более осложнилась в связи с событиями 60-х годов в Германии. Все это вызвало повышенный

---

¹⁵ Русская газета. 1859. 9.12.

¹⁶ Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя Горчакова. М., 2005. С.30.

интерес к внешней политике. Важнейшей темой было ослабление международного положения России и враждебность к ней западноевропейских государств — участников крымской коалиции. Проблемы эти находились в центре внимания еще с 1855—1856 гг., но стали еще более острыми после польского восстания 1863 г.

События Шлезвиг-Гольштейнского кризиса 1863-1864 гг. застали российскую общественность врасплох. Как верно констатирует именитый исследователь войн Пруссии в 1860-х годах Л.И. Нарочницкая, «сознание внутренней слабости России: занятость правительства проведением реформ, финансовые затруднения, военная неподготовленность, страх перед возможностью повторения революционной ситуации внутри страны, а также восстаний в западном крае – все это вынуждало помещичье-буржуазные круги признать необходимым для России сосредоточение всех сил и средств внутри страны, а вследствие этого невозможным проведение активной внешней политики на Западе»¹⁷. Можно говорить о том, что эта точка зрения сплотила различные идейные течения в российском обществе. Единению общественности во многом способствовало и восстание в Царстве Польском 1863-1864 гг., которое повлекло за собой попытки западных держав вмешаться во внутренние дела России, что, правда, затмевало по своей актуальности события в Шлезвиге и Гольштейне.

Определяющим фактором в отражении Шлезвиг-Гольштейнского кризиса на страницах русских газет являлось отсутствие прямо выраженной критики внешней политики Санкт-Петербурга. Это объясняется не только трудным внутривнутриполитическим положением, но и наличием отлаженного механизма предварительной цензуры, что на практике исключало возможность критики царского правительства, а также не достаточным уровнем развития гражданского общества в России – общественное мнение как политическая сила только зарождалась. Это придавало отражению событий Шлезвиг-Гольштейнского кризиса во многом информативный и

---

¹⁷ Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии... С.163.

прогностический

характер.

2.1 Шлезвиг-Гольштейнский кризис в отражении общественного мнения России

При исследовании отражения Шлезвиг-Гольштейнского кризиса 1863-1864 гг. в русском общественном мнении, наблюдается ряд аспектов, который вызывал наибольшую рефлексию российской общественности. Для наглядности тех вопросов, которые были наиболее актуальны для российской общественности, их можно представить в порядке убывания их значимости для общества.

Во-первых, это влияние данного международного кризиса на положение России. Какую политику необходимо вести России? Вынуждена ли она будет активно вмешиваться в конфликт? Каковы будут итоги кризиса и что они сулят для России? Эти вопросы, по понятным причинам, были наиболее актуальными в российском обществе.

Во-вторых, вопрос немецкого национализма или немецкого объединительного движения. Национальный вопрос в многонациональной Российской империи был одной из самых болезненных тем для российской общественности. При этом наблюдается некая трансформации в представлении российской общественности. На начальном этапе кризиса немецкое национальное движение ассоциировалось с революционным движением в Европе, с западной «заразой». Революционный характер восстания в Шлезвиге и Гольштейне лишь подкреплял данные представления. Но после того, как прусские части перешли границу Ютландии, именно консервативную Пруссию стали рассматривать как главный двигатель немецкого национального движения. В российской прессе на все лады обсуждалась и критиковались личность прусского министра-президента Отто фон Бисмарка, агрессивный характер его внешней политики и перспектива объединения Германии под главенством Пруссии.

И, в-третьих, много места в русской печати уделялось обсуждениям политики европейских держав, прежде всего Англии и Франции, их позиции в Шлезвиг-Гольштейнском кризисе. Тяжелая внутривластная обстановка в России, вызванная реформами первой половины 1860-х и Январским восстанием в западных владениях империи вынуждали Россию вести сдержанную внешнюю политику. Это выражалось в отражаемом на страницах печати нежелании вмешиваться в Шлезвиг-Гольштейнский кризис, по крайней мере, без наличия совместной позиции по урегулированию с европейскими дворами, прежде всего, с Лондоном и Парижем. При этом много внимания уделялось выявлению заинтересованности держав в эскалации или урегулировании конфликта.

Вполне естественно, что более всего российскую общественность волновало влияние Шлезвиг-Гольштейнского кризиса на международное положение России. Не так давно, в 1856 году Парижским миром закончилась Крымская война, и пример России, начавшей войну за расширение сферы влияния, а закончившей ее в дипломатической изоляции, конечно, еще не был забыт европейскими политиками. В глазах русской общественности угроза большой европейской войны выглядела вполне вероятной. Об этом пишет «Иллюстрированная газета»: «Внимание всей Европы обращено на одну Данию и все следят с напряженным вниманием за тем, что происходит в этой маленькой стране, которая может стать причиной всеобщей войны».¹⁸ Но сосредоточенность российского общества на внутренних преобразованиях явно превалирует над великодержавным стремлением выступить в роли арбитра. Совместная позиция Австрии и Пруссии, хотя и увеличивала масштаб возможной европейской войны, но, в силу общеевропейского нежелания воевать, уменьшала вероятность ее возникновения. Отто фон Бисмарк застраховал свое Отечество от возможной внешнеполитической катастрофы, вынудив Австрию «таскать каштаны из огня» для Пруссии.

---

¹⁸ Иллюстрированная газета. 1864.23.01.

Всеми признавалась безусловная важность стратегического положения на Балтийском море. По словам «Голоса», от судьбы герцогств зависело политическое равновесие на севере Европы, сохранение которого составляло «главный и единственный интерес для России»¹⁹. В данном случае российская общественность ориентировалась на сохранение в силе Лондонского протокола 1852 года, что позволило Пруссии, заявившей о приверженности условиям договора, предстать в благоприятном свете на страницах русской прессы на начальном этапе кризиса.

Однако дальнейшие события вынуждали рассматривать варианты изменения расклада сил. Русская печать предполагала осуществление двух нежелательных комбинаций, возможных в случае перехода Шлезвига и Гольштейна в немецкие руки.

Во-первых, появление на Балтике мощного немецкого флота, способного подорвать позиции России. Первые волнения по этому поводу высказала газета «Голос» еще до начала войны, тем не менее эта проблема становилась острее с развитием прусских военных успехов²⁰. Уже в мае 1864 на страницах «Московских ведомостей» можно наблюдать уже вполне осознанную обеспокоенность таким исходом кризиса²¹. Расположение русской столицы, торговое значение Балтийского моря и гегемонию русского флота на нем автор выделяет как главные интересы России, которые она обязана охранять. Если вспомнить те ограничения, которым по Парижскому трактату 1856 подверглась Россия, то опасения в обществе, действительно, имели широкое распространение. И если в начале кризиса предполагали, что герцогства перейдут в руки Германского союза, что само по себе не представляло угрозы русскому преобладанию на Балтийском море, то, когда наметилась перспектива их присоединения к Пруссии, тема немецкого флота стала активно обсуждаться различными изданиями. Намерения Пруссии закрепиться на Балтийском побережье и стать морской державой имели

---

¹⁹ Голос. 1864.17.01.

²⁰ Голос. 1864.29.01.

²¹ Московские Ведомости. 1864.18.05.

прямое влияние на негативное восприятие прусской политики. Притязания Гогенцоллернов на герцогства не признавало ни одно издание в России.

Во-вторых, возникновение Скандинавской империи путем присоединения Дании к Шведскому королевству, в случае ее поражения и потери ею герцогств. Как писали «Московские ведомости», с потерей герцогств, «независимость и целость датской монархии обратятся в пустое слово»²². В России предполагали, что вероятная Скандинавская империя будет страной непременно с сильным флотом. Надо сказать, что и закрепление немцев на Балтике, и образование Скандинавской империи виделись как два процесса, которые будут происходить параллельно. Таким образом российская общественность опасалась, что Россия получит сразу двух сильных конкурентов в Балтийском море.

По мере побед прусских войск, в газетах стали активнее обсуждаться германский вопрос. Однако теперь это было не прежнее порицание национального движения немцев, которое в России ассоциировалось с революционным движением, а обсуждение вероятности объединения Германии под главенством Пруссии. Такая вероятность, несомненно, представлялась пугающей на страницах газет. Тем не менее в оценке данной комбинации общественное мнение в России не было единым. «Московские ведомости» крайне негативно относились к усилению Пруссии. Присоединение герцогств к Пруссии оценивалось как «тяжкая цена», за лояльность Прусского правительства в Польском вопросе²³. Умеренно-либеральная газета «Санкт-Петербургские ведомости», наоборот, не видели в прусской политике в Германии опасных для России последствий²⁴. «Напротив, можно даже предположить, что прусский флот будет в состоянии оказать нам когда-либо существенные услуги», - эти строки показывают, что были и оптимистичные взгляды на объединение Германии вокруг Пруссии²⁵.

---

²² Московские ведомости. 1864.13.02.

²³ Там же. 1864. 27.07.

²⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1864.26.01.

²⁵ Там же. 1864.10.07.

Ультраконсервативная газета «Весть» выступала за дальнейшее развитие Шлезвиг-Гольштейнского кризиса, так как он отвлекал внимание Европы от злободневного польского вопроса²⁶. К тому же, данное издание постепенно склонялось к мысли, что только главенство Пруссии в Германии сможет предотвратить объединение немцев революционным путем. «Весть» вполне допускала присоединение Шлезвига и Гольштейна к Пруссии, если только та сможет подавить революционное движение в Германии.

Оригинальную точку зрения высказала славянофильская газета «День», что «Шлезвиг-Гольштейнский вопрос не касается интересов России²⁷. Данная позиция логично вытекала из общих внешнеполитических воззрений славянофилов, настаивавших на переносе центра тяжести русской внешней политики с Европы на Восток и отставивших идеи панславизма. Однако эти идеи в первой половине 1860-х гг. носили определенный оттенок радикализма для своего времени.

Влияние Шлезвиг-Гольштейнского кризиса не международное положение России в Европе было главной темой на страницах русских газет. Все остальные вопросы рассматривались российской общественностью, в первую очередь, во взаимосвязи с внешней политикой России. Вынужденная отстраненность России от активного участия в кризисе, продиктованная тяжелым положением внутри страны, воспринималось болезненно. Перспективы урегулирования Шлезвиг-Гольштейнского кризиса, которые обсуждались в русских печатных изданиях не сулили Санкт-Петербургу выгод, а даже наоборот, вырисовывали негативные для России изменения в балансе сил. Тем не менее можно говорить о единстве в русском общественном мнении касательно сдержанности российской внешней политики. Политика российского правительства была встречена обществом с пониманием и одобрением.

---

²⁶ Весть. 1864.18.02.

²⁷ День. 1864.20.05.

Германский вопрос был одним из самых острых для России вопросов и обсуждался в годы Шлезвиг-Гольштейнского кризиса в изданиях различных политических направлений. Несмотря на то, российское общество осознавало правомерность единого немецкого государства, продвижение этого процесса без прямого участия России в нем создавали его негативное восприятие. Нарушение европейского спокойствия немцами Шлезвига и Гольштейна изначально воспринималось русской прессой отрицательно, особенно учитывая силу консервативных и реакционных настроений в русском обществе. Шлезвиг-Гольштейнский кризис изображен не иначе как революционный бунт, а легитимность претендента на герцогский престол Фридриха IX Августенберга поставлена под сомнение. Об этом говорится в консервативной газете «Весть» от 5 января 1864 года: «Является, Бог знает, откуда, никому доселе неизвестный какой-то принц Августенбергский; Шлезвиг-Гольштейнский вопрос, утопленный, по-видимому, в канцелярских чернильницах, вдруг всплывает на поверхность; национальные страсти разожжены, и второстепенные державы Германии хватают знамя революции»²⁸. Для России - многонациональной империи с абсолютной властью монарха, те идеи, которые сопровождали Шлезвиг-Гольштейнский кризис, а именно идея революции и принцип национальностей, были неприемлемыми. «Союзная экзекуция превратилась в революцию» - так иронично оценивали происходящие события журналисты издания «Иллюстрированная газета»²⁹. Сама же суть кризиса в герцогствах во всей Европе признавалась очень запутанной темой, в том числе и в России. «Шлезвиг-Гольштейнская распря содержит в себе несколько противоречащих вопросов, которые каждый понимает по-своему или не понимает вовсе» - так оценила Шлезвиг-Гольштейнский кризис официальная газета «Северная пчела»³⁰.

---

²⁸ Весть. 1864.5.01.

²⁹ Иллюстрированная газета. 1864.14.01.

³⁰ Северная пчела. 1864.11.01.

Во главе угла всего конфликта стоял принцип национальностей, и российское общество довольно быстро приходит к этому выводу. Именно ущемление прав немецкого населения в составе Датской монархии послужило причиной для Союзной экзекуции Гольштейна. Газеты с неприязнью писали о том, что жители Гольштейна встречали войска Германского союза, состоящие из ганноверцев и саксонцев, «как избавителей». Вообще, германское национальное движение в силу ряда причин не находило сочувствия у российской публики и России в целом. Во-первых, в Прибалтийских губерниях Российской империи проживало значительное число немецкого населения, в основном помещиков и капиталистов. Как пишет М.М. Духанов, «восстания в Польше, Литве 1863 года углубляли национальные противоречия между коренным населением и господствовавшим немецкими привилегированными сословиями и усугубляли напряженность в регионе»³¹. Таким образом Шлезвиг-Гольштейнский кризис и его развитие могли негативно сказываться для внутренней политики России. Во-вторых, возможное появление на своих западных границах сильного национального государства в лице Германии не внушало ничего хорошего для российской общественности. Нельзя не отметить и то, что пишет газета «Биржевые ведомости»: «Нет патриотизма с большими претензиями чем у немецкого»³². Так, в русском обществе распространялись идеи о необходимости сдерживать немецкое национальное движение, а к немецкому объединению относились с опаской. Тем не менее, по мере развития конфликта эмоциональное восприятие событий в Шлезвиге и Гольштейне сменялось попытками рационального осознания происходивших перемен. Все больше внимания российская общественность стала уделять политике Пруссии в Шлезвиг-Гольштейнском кризисе, которой руководил Отто фон Бисмарк.

---

³¹ Духанов М.М. Россия и балтийский вопрос в 60-х годах XIX века. автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1962. С.4.

³² Биржевые ведомости. 1864.7.01.

На момент восстания в герцогствах Бисмарк занимал пост главы правительства чуть более года, однако уже тогда в российской прессе сложилось определенное представление о нем. В качестве его козырей журналисты отмечали обаяние, любезность, знание иностранных языков, настойчивость и умение убеждать. Бесспорно, что стать Бисмарку тем, кем он стал, помог опыт, полученный им в 1860-е, в первое десятилетие его нахождения на должности министра-президента Пруссии. Датско-прусская война стала его первой внешнеполитической аферой, из которой он вынес немалые выгоды для дальнейшего объединения Германии, тем не менее вопрос о его компетентности на дипломатическом поприще в российской прессе практически не проявляется. Однако вопрос о методах Бисмарка вызывал споры. В периодическом издании «Весть» можно обнаружить, что члены редакторской коллегии газеты относятся к Бисмарку с симпатией. Так в выпуске от 12 февраля 1864 года читаем: «...граф Бисмарк более, чем кто-либо другой не привык к неудачам и до сих пор всегда умел добиться блистательного реванша за все, даже самые ничтожные поражения, какие ему удавалось переносить»³³. Однако если последователи газеты «Весть» признавали гибкость и дипломатическую изворотливость канцлера, то либеральные издания были противоположного мнения. Они настаивали на том, что Бисмарк никогда не задумывался о преодолении всевозможных трудностей на его пути, а предпочитал идти напролом, хотя дипломатический талант Отто фон Бисмарка не вызывал сомнений ни у кого.

Союз Австрии и Пруссии, который страны формально заключили на время Шлезвиг-Гольштейнского кризиса, носил весьма противоречивый характер. Если интересы Пруссии в герцогствах Шлезвиг и Гольштейн вполне ясны, то позиция Австрии вызывала много вопросов. Во-первых, географическая удаленность герцогств от Австрийской империи создавало трудности для управления и контроля над теми провинциями, которые должны быть завоеваны. Во-вторых, отторжение герцогств от Дании скорее

---

³³ Весть. 1864.12.02.

отвечало требованиям Пруссии, которая видела Шлезвиг и Гольштейн как место для закрепления своего влияния в Балтийском и Северном морях. Таким образом, при отсутствии приемлемых обоснований и реальных причин для агрессии против Дании, союз Австрии и Пруссии в российской прессе был встречен негативно. В «Биржевых ведомостях» отмечали, что «соглашение Австрии и Пруссии относительно Шлезвига и Гольштейна приводит в негодование народ».³⁴ В российских изданиях так же была распространена версия о том, что Пруссия и Австрия, заключив стратегический союз, должны были решить свои внешнеполитические задачи, Пруссия – на Севере, присоединив герцогства, а Австрия на Юге, аннексировав Венецию. Несомненно, такой альянс во многом заслуга «железного канцлера», который таким образом страховал Пруссию и себя от возможной катастрофы. Это дипломатическое достижение Бисмарка вызвало недовольство не только на страницах либеральных газет, но даже и у таких консервативных изданий, как «Весть»: «Мы далеки от того, чтобы сочувствовать изворотливой политике господина Бисмарка»³⁵.

Однако для российской общественности становилось все более очевидным, что Бисмарк нацелился на военное решение кризиса. Данное обстоятельство сильно повлияло на восприятие Датской войны 1864 года в России. Война представлялась как «несправедливая», а ее инициатор – Пруссия и вовсе предстала в роли агрессора и захватчика. Со страниц русской периодики доносилось все больше скрытого желания неудач прусско-австрийским войскам. «По всем вероятностям, немцам придется стоять перед Дюпелем столько же, сколько западные союзники стояли перед Севастополем» - так спрогнозировало ситуацию журналисты «Сына Отечества», когда пруссаки не смогли взять эту крепость штурмом³⁶. Тем не менее, вопреки надеждам в российском обществе, война, все же проходила быстрым темпом.

---

³⁴ Биржевые ведомости. 1864.20.01.

³⁵ Весть. 1864.25.01.

³⁶ Сын Отечества. 1864.12.03.

Скоротечный характер компании и ее результаты вызывали волну негодования в русском обществе. Притязания на герцогства, никогда не принадлежавших Германии, не объяснялись ни международным, ни каким-либо иным правом. «Германия почему-то сочла себя в праве распоряжаться чужой собственностью» - так реагировала на происходящие события газета «День»³⁷. Не выдерживали критики и объяснения венского и берлинского дворов о том, что они лишь защищают немецкое население, угнетаемое датчанами. Консервативная «Весть» довольно легко выводит Австрию и Пруссию на чистую воду: «Австрия и Пруссия, имеющие владения, которые могут быть оспорены во имя принципа национальностей, встают на защиту этого принципа в Шлезвиге и Гольштейнии»³⁸. Военные действия союзников раскрывали их истинные цели. Идея о революции в герцогствах в русском обществе быстро сошла на нет. «В высокомерных действиях против Дании замешаны именно интересы правительств, а не революции» - писала газета «Весть» - «не подлежит сомнению, что главные виновники войны – демократы, а всеми промахами демократов воспользовался господин Бисмарк»³⁹. Российское общество к концу войны довольно ясно себе представляло, кто извлек главную выгоду из этой войны. На страницах русской печати Бисмарк стал появляться как весьма умный, целеустремленный, но в то же время хитрый, агрессивный политик. Его роль в прусско-датском конфликте на страницах русских изданий стала становиться ролью разжигателя конфликта ради личной выгоды. Как писала «Весть» «мнимым вопросом о свободе, благодаря неспособности демократов, воспользовался для усиления власти господин Бисмарк»⁴⁰. Стоит сказать, что значение Бисмарка в Шлезвиг-Гольштейнской войне на страницах русских органов печати не преувеличивается. Бисмарк, действительно, своевременно взяв решение конфликта на себя, смог довести войну до благоприятного для

---

³⁷ День. 1864.5.05.

³⁸ Весть. 1864.5.01.

³⁹ Весть. 1864.17.10.

⁴⁰ Весть. 1864.2.11.

Пруссии итога. Так, Пруссия получила стратегически-важные территории с выходом, как к Балтийскому, так и к Северному морям. После этого Германии была открыта дорога к статусу Великой морской державы. Но то, как, относительно, легко Пруссия прибрала к рукам никогда не принадлежавший Германии Шлезвиг, создавало у русских читателей впечатление, что Бисмарк обхитрил Россию и всю Европу, которые не приложили в достаточной мере своего политического и дипломатического веса для предотвращения такого положительного результата для Пруссии и уж тем более для «неблагодарной» Австрии.

Помимо интересов России в Шлезвиг-Гольштейнском кризисе и германского вопроса, актуальной темой для раздумий была и политика европейских держав в кризисе. Дипломатия лондонского и парижского дворов активно обсуждалась в прессе, поскольку она непосредственным образом влияла на дипломатию Санкт-Петербурга

В русском обществе позиция Англии на начальном этапе рассматривалась как враждебная Германии. «Биржевые ведомости» сообщали, что интересы Англии в том, чтобы герцогства, в особенности важный порт Киль, не достались немцам⁴¹. Конечно, Англия не хотела, чтобы в пределах досягаемости ее берегов располагалась база немецкого флота, пусть даже и в будущем. Поэтому до определенного времени Англия рассматривалась российской журналистикой как самый ярый сторонник сохранения довоенного положения вещей. Для достижения своих целей Британия использовала дипломатию и военную угрозу.

Инициативы английского правительства к скорейшему заключению мира неоднократно отмечались в российских газетах. Так журналисты издания «Иллюстрированная газета» возлагали свои ожидания на Англию в январе 1864 года: «Если Англии удастся собрать конференцию, это будет великий подвиг и подаст надежду на мирное окончание нервной и

---

⁴¹ Биржевые ведомости. 1864.21.01.

несправедливой войны»⁴². Но поскольку созвать мирную конференцию удалось только к концу апреля 1864 года, на страницах изданий все чаще проявлялось недоверие к стремящейся к миру политике Англии. Консервативная «Весть» в номере от 17 марта задавалась вопросом, почему великие державы позволяют немцам грабить Данию⁴³. Впрочем, этим вопросом задавалась вся российская общественность, отчего дальнейшие заявления английского правительства оценивались российскими журналистами как голословные⁴⁴. Частичным успехом английской дипломатии можно считать созыв конференции 26 апреля 1864 года в Лондоне. Помимо представителей воюющих сторон на ней так же были посланники из Германского союза, Англии, Франции, России и Швеции. Однако конференция не достигла своей мирной цели, поэтому можно дипломатические усилия Лондона закончили провалом.

Помимо дипломатического воздействия на Пруссию и Австрию Англия так же пугала немцев своим вмешательством в войну. Наиболее вероятным российской общественности казалась помощь военно-морскими силами. «Московские ведомости» сообщали о снаряженной английской эскадре на помощь Дании еще в январе 1864 года⁴⁵. Ламаншский флот Англии действительно был снаряжен в экспедицию, но отправлен не был⁴⁶. Впрочем, флот Дании и так превосходил союзный флот Австрии и Пруссии, и нанес ряд поражений противнику, в ходе войны, поэтому датчане более рассчитывали на помощь войском. Однако такой помощи не последовало, хотя в русских газетах и упоминали о тридцатитысячном вспомогательном корпусе: «Из Лондона пущена телеграмма, что до 35 тысяч английского войска поставлены на военную ногу, но это слышали уже столько раз, что никто не верит этому»⁴⁷. Военные угрозы в сторону Пруссии не возымели

---

⁴² Иллюстрированная газета. 1864.28.01.

⁴³ Весть. 1864.17.03.

⁴⁴ Там же. 1864.17.03.

⁴⁵ Московские ведомости. 1864.21.01.

⁴⁶ Роотс Л.К. Шлезвиг-гольштейнский вопрос и политика европейских держав в 1863-1864. Таллин, 1957. С.172.

⁴⁷ Весть. 1864.12.02.

результата. Российское общество к марту 1864 года уже ясно себе представляло, что Англия не готова вмешаться в войну. Квинтэссенцией данного представления стала публикация в газете «День» статьи с громким заголовком «Англия грозит – Германия хохочет»⁴⁸.

Чем ближе была развязка Шлезвиг-Гольштейнского кризиса, тем очевиднее становилось, что изначальное мнение в российском обществе об антигерманской политике Англии было ошибочным. Английское правительство не предприняло никаких действенных мер для сдерживания немецкой агрессии, допустив присоединение герцогств к Австрии и Пруссии. Подталкивая Данию к войне и поощряя германский патриотизм, Англия лавировала между воюющими сторонами, стремясь не допустить вмешательство в войну третьей силы. Предложение Англии о совместном военном выступлении с Францией в защиту Дании являлись по своей сути провокационным, поскольку усиление Франции за счет прусской Рейнской области явно противоречило английским интересам⁴⁹. Поэтому предложение о союзе с Францией против Пруссии делалось с единственной целью помешать образованию франко-прусского союза. Политика Англии в Шлезвиг-Гольштейнской войне 1864 года соответствовала традиционной эгоистичной политике английского кабинета не вмешиваться в европейские дела, а решать их дипломатическими и экономическими средствами.

Позиция Франции в Шлезвиг-Гольштейнском кризисе 1864 года, на первый взгляд, была более ясна. Российские консервативные издания достаточно критично пишут про внешнюю политику Наполеона III. Петербургская газета «Весть» пишет, что именно парижский кабинет подталкивал герцогства к сепаратизму⁵⁰. Хотя поддержка средних и малых немецких государств отвечала французским интересам, и Франция действительно поддерживала принцип национальностей, который стал главной идеей восстания в Шлезвиге и Гольштейне, события в герцогствах

---

⁴⁸ День. 1864.9.03.

⁴⁹ Роотс Л.К. Шлезвиг-гольштейнский вопрос... С.219.

⁵⁰ Весть. 1864.5.01.

все-таки были вызваны другими факторами. На глазах Наполеона III происходило явное усиление воинственного соседа – Пруссии. Тем не менее, Франция довольно пассивно реагировала на события на Севере Европы и занимала нейтральную позицию⁵¹.

Так как извлечь выгоды из развивавшегося на севере Европы Шлезвиг-Гольштейнского кризиса Франция не могла, она придерживалась принципа национальностей, согласно которому Шлезвиг и Гольштейн должны были стать 2 новыми монархиями в составе Германского союза. Это отвечало политике Наполеона III по поддержке второстепенных немецких государств, как третьей силы в деле объединения Германии, наряду с Пруссией и Австрией. Такой внешнеполитический курс Франции довольно раздражительно встречен в России, особенно консервативными дворянскими кругами. «Луи-Наполеон, отстаивая в герцогствах принцип национальностей, в противоречии с самим собой потому, что если Германия домогается Шлезвиг-Гольштейна, то Польша тем более должна принадлежать России, как самой могущественной представительнице славянской нации» - так реагирует на это славянофильская газета «День»⁵². В политике Наполеона III действительно было немало противоречий, в том числе и в Шлезвиге и Гольштейне.

Правительство Франции не стремилось к скорейшему урегулированию конфликта между немцами и датчанами, так как заняло выжидательную позицию с целью не упустить выгоды, если представится случай. Именно Франция игнорировала и не давала хода идеям и воззваниям Англии о необходимости мирной конференции. Газета «Северная пчела» в марте 1864 года сообщала, что в Париже считали проект конференции преждевременным, хотя к этому времени союзное австро-прусское войско уже заняло почти весь полуостров Ютландия⁵³. На Лондонской конференции 1864 года французский посланник настаивал на необходимости проведения

---

⁵¹ Роотс Л.К. Шлезвиг-гоольштейнский вопрос... С.220.

⁵² День. 1864.29.01.

⁵³ Северная пчела. 1864.5.03.

плебисцита в герцогствах, но идея о всеобщем волеизъявлении народа не нашла поддержки у остальных участников конференции. Ироничным вопросом прокомментировала французское предложение газета «Весть»: «Интересно узнать, на каком основании к этой идее примкнет Австрия, владеющая Венецией, Галицией и Венгрией?»⁵⁴. В исторической перспективе можно назвать дипломатическую линию Наполеона III если не неправильной, то, как минимум, недалёковидной. Не поддержав статус, установленный Лондонской конференцией 1852 года, и ожидая возможность извлечь хоть какую-нибудь выгоду из североевропейского конфликта, Франция беспрепятственно дала своему историческому противнику Пруссии сделать территориальные приобретения и возглавить объединительное движение в Германии. Ценой этого бездействия стали итоги франко-прусской войны 1870 – 1871 годов.

На страницах русских газет к концу войны можно встретить все больше сатиричных оценок в сторону Великих держав. Их упрекали не только в бездействии, но также и в преследовании своих корыстных интересов. Издание «Иллюстрированная газета» высказывала мысль, что именно умеренная позиция Европейских держав пробуждала «порывы германского фанатизма», стремящегося к нарушению мира⁵⁵. Англия и Франция были готовы вступить в войну только за достойное вознаграждение, которое им не могла предложить ни Дания, ни Пруссия с Австрией. Информацию, появившуюся в издании «Голос», о якобы финансовой и военной помощи Дании крайне иронично прокомментировала консервативная «Весть»: «До сих пор Англия помогала датчанам только присылкой в их штаб двух офицеров; но Франция кроме двух офицеров прислала еще трех сердобольных женщин»⁵⁶. Данная оценка не далека от истины, ведь в реальности Великие державы бездействовали.

---

⁵⁴ Весть. 1864.17.05.

⁵⁵ Иллюстрированная газета. 1864.12.02.

⁵⁶ Весть. 1864.8.03.

Русское общественное мнение первоочередной причиной дипломатического успеха Пруссии видят попустительство Великих держав. Европа, пугавшая немцев до начала войны, теперь молчит и удивляется героизму сотысячного войска, которое борется с чуть ли не горстью датчан» - так комментировало политику Великих держав издание «Биржевые ведомости»⁵⁷. Много противоречий в политике европейских держав отмечается российскими журналистами; достаточно легко приобретенный успех Пруссии по итогам войны вызывал негодование в российском обществе, на фоне не так давно проигранной Крымской войне и Польского восстания, когда западные страны ополчились на Россию⁵⁸. Можно сказать, что политика европейских держав в Шлезвиг-Гольштейнском кризисе воспринималась с недоумением. Сравнение с событиями в Польше порождало и усугубляло в российском общественном мнении ощущения отчуждения России от Европы.

---

⁵⁷ Биржевые ведомости. 1864.16.03.

⁵⁸ Весть. 1864.2.11.

2. Шлезвиг-Гольштейнский кризис 1863-1864 гг. и английское общество

2.1 Общественно-политические условия существования общественного мнения в Англии в канун Шлезвиг-Гольштейнского кризиса

Завершив промышленный переворот ранее всех других стран, Англия оказалась к середине XIX века в очень выгодном положении: ее передовая промышленность позволяла ей превосходить всех конкурентов дешевизной и качеством товаров. Это обстоятельство дало английской буржуазии фактическую монополию на мировом рынке. Уже в середине XIX века в Англии сложились некоторые черты империализма — значительно ранее, чем во всех других странах. Именно эта особенность развития Великобритании в 1860-х годах обуславливает особую актуальность проблем внешней политики для английской общественности, в чем-то даже превалирующей над вопросами внутреннего развития.

На авансцене политической жизни в эти годы действовали по-прежнему две партии — тори и виги, которые уже с 40-х годов XIX века были переименованы в консерваторов и либералов. На протяжении 50—60-х годов XIX в. преобладание в политической жизни явно принадлежало либералам: в 1846—1874 годах они находились у власти (иногда в коалиции, в которой они имели преобладание) около 24 лет, а консерваторы — всего 5 лет. Консервативная партия переживала период разброда; из нее перекочевали к либералам наиболее способные и видные политические деятели буржуазии. Фактическим лидером либеральной партии в эти годы являлся Пальмерстон. Он неизменно входил во все либеральные и коалиционные кабинеты этих лет и занимал в них руководящее положение. 1855 года до своей смерти в 1865 году Пальмерстон с одним небольшим

перерывом (в 1858— 1859 гг.) являлся премьер-министром, провозгласив отказ от всяких внутренних реформ. Английская двухпартийная политическая система в XIX веке представляет небольшие трудности для анализа иностранному исследователю, поскольку границы партий и партийной идеологии весьма размыты. Особенно это проявляется в вопросах внутреннего развития Британии, о чем свидетельствуют довольно частые переходы из либерального стана в консервативный и наоборот, известных политических деятелей XIX века, таких как Бенджамин Дизраели, Уильям Гладстон и другие. Во внешней политике разногласия между партиями проявляются чуть отчетливей, что отмечается многими историками. Эта размытость границ партийной принадлежности также осложняет и изучение общественного мнения страны.

Великобритания середины XIX века представлялась многим современникам страной классических демократических свобод. Из всех западноевропейских государств именно она вызывала наибольшие симпатии русской общественности, которые видели в ней страну с государственным устройством, достойным подражания. Подобная идеализация британской конституции не является обоснованной. Британское социально-политическое система имела ограниченный набор демократических свобод, была полна противоречий и явных несоответствий буржуазному по своей сути социально-экономическому развитию Великобритании середины XIX века. Это отмечали многие современники, но наиболее ярким кажутся слова Н.Г. Чернышевского. Он дал всестороннюю обоснованную критику британского парламентаризма середины XIX века, вскрыл его ограниченность. «Мнение народа и решение парламента - две различные вещи, очень часто нимало не сходные при нынешней системе выборов и нынешнем распределении депутатов», - писал Н.Г. Чернышевский о британском парламенте, вынося приговор его сущности⁵⁹.

---

⁵⁹ Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника» // Полн. собр. соч. М., 1949. Т.6. С.142.

Тем не менее Англия обладала одной из самых важных черт демократического общества – открытым выражением общественного мнения, доступным в стране ввиду отсутствия института цензуры. Уже непосредственно вслед за окончательным устранением Стюартов, приверженцев абсолютизма, когда с Вильгельмом Оранским наступила новая эпоха, парламенту в феврале 1689 г. удалось провести знаменитый Билль о правах (составляющий и поныне основу английских народных вольностей), в котором, между прочим, содержится и признание за каждым гражданином права устного и печатного выражения мысли. В XIX же веке пали последние преграды, сдерживавшие развитие английской прессы: в 1851 г. были отменены налоги на публикации и объявления; в 1855 г. вышел закон о газетном штемпеле; в 1861 г. был уничтожен налог на газетную бумагу. Благодаря своему высокому положению в обществе, редакторы больших газет располагали всеми средствами для того, чтобы быть всегда прекрасно осведомленными. Они находились в самом центре общественной жизни и поэтому прекрасно знали, что происходило в политической сфере. Как отмечает Людвиг Саламон, «они избегают даже всяких столкновений с администрацией, не желая подпадать под ее влияние, а с другой стороны, согласно старой традиции, форин офис, в свою очередь, совершенно игнорирует печать»⁶⁰. Говоря о британской периодике нельзя не отметить ряд ее уникальных особенностей. Английская печать в середине XIX века вылилась во вполне законченные формы могущественной общественной организации. Ее влияние на национальную жизнь по сравнению с тем, что мы можем наблюдать в других странах, беспримерно. Высокой степени совершенства английские газеты достигли прежде всего благодаря прекрасной организации осведомительных бюро, дающим лондонским газетам возможность развешивать перед читателем верную до мельчайших деталей картину общего положения дел во всем мире, а также благодаря

---

⁶⁰ Саламон Л. Всеобщая история прессы / пер. с нем. Э.Б. СПб.: Улей, 1909. С.75.

блестящему штату сотрудников, которым располагала каждая большая английская газета.

Типичной чертой английской прессы является ее националистический характер. Для нее на первом плане стоит величие, мощь и благополучие Англии. Эту особенность категорично, но верно отметил известный исследователь зарубежной журналистики Людвиг Саламон: «Это чувство собственного превосходства, заставляющее считать Англию первой и богатейшей страной в мире, принимает у англичан иногда смехотворные формы, доходит иногда до слепого самовосхваления, до несправедливой ненависти и беззастенчивого презрения к другим нациям, особенно если их интересы противоречат английским»⁶¹. Эта черта оказала сильное влияние на восприятие Шлезвиг-Гольштейнского кризиса.

Первая половина 1860-х годов было временем, насыщенным на международные события. Умы английской общественности занимали такие вопросы, как Гражданская война в США, восстание в Царстве Польском 1863-1864 гг., франко-англо-испанская интервенция в Мексику. И хотя к моменту начала Шлезвиг-Гольштейнского кризиса, эти события уже не занимали передовицы газет, они также продолжали широко освещаться, что не позволяет рассматривать Шлезвиг-Гольштейнский кризис 1863-1864 гг. как самую актуальную тему для английской общественности.

Тем не менее, Шлезвиг-Гольштейнский кризис 1863-1864 гг. несомненно занимал важное место в обсуждениях английской общественности. Несмотря на то, что со второй половины XIX века колониальное направление внешней политики Лондона становилось самой актуальной темой для английских периодических изданий, вопросы европейской дипломатии все еще оставались важной темой. В Европе Англия традиционно поддерживала баланс сил, заключавшийся в том, чтобы не дать какой-либо из держав занять доминирующее положение на континенте. В отражении общественного мнения Англии в 1860-х годах наибольшую

---

⁶¹ Саламон Л. Всеобщая история прессы... С.73.

опасность существующему раскладу сил несли Франция и Россия. Именно эта идея во многом определяла английскую позицию в кризисе: не дать Санкт-Петербургу и Парижу использовать датско-германскую распря в целях расширения собственного влияния и решения своих геополитических задач.

2.2 Шлезвиг-Гольштейнский кризис в отражении общественного мнения Англии

Для английского общественного мнения Шлезвиг-Гольштейнский кризис вызвал широкую дискуссию по ряду вопросов. Но самым актуальной темой был вопрос об английской политике в кризисе. Можно говорить, что общественное мнение разделилось на сторонников вмешательства в конфликт (естественно, на стороне Дании) и на тех, кто считал, что английские интересы в кризисе вполне можно отстаивать дипломатическими усилиями. За серьезную политику с целью оказать давление на Австрию и Пруссию выступало издание «Morning Post». На страницах издания можно увидеть немалые опасения по поводу германской экспансии. Так, сотрудники этой газеты пишут о «германской агрессии», направленной на «превращение Дании в члена Германской конфедерации»⁶². Не менее гневно к германским акциям относилась газета «Standard», сравнивая немцев с «силачом, загнавшего слабого соперника в угол и бьющего его вдоволь»⁶³. Немецкие действия очень цинично сравниваются журналистами с русскими мерами против польского восстания 1863-1864 годов, а английское правительство призывают защитить «закон Европы»⁶⁴. Тем не менее, реальный расклад сил не представлял возможности для протекторатской политики в ущерб отношениям с Австрией и Пруссией. Подобные призывы, играющие на национальной гордости англичан, звучали со страниц оппозиционных изданий прежде всего с целью дискредитации правительства Пальмерстона. Однако трудно себе представить, что иной кабинет смог бы втянуть Англию в войну; сторонники вмешательства составляли незначительную часть английской общественности.

---

⁶² Morning Post. 1864.3.01.

⁶³ Standard. 1864.25.01.

⁶⁴ Ibidem.

Сторонниками прогерманской политики выступали консервативно направленные издания «Spectator» и «Morning Post». Хотя они и признают, что активного вмешательства требует «английская национальная гордость», но порча отношений с германскими государствами приведет к негативным последствиям для европейского равновесия, где британские верхи все яростнее стремились иметь противовес против Франции и России⁶⁵. Со схожих позиций на Шлезвиг-Гольштейнский кризис смотрели издания либерального толка. С нежеланием ухудшать отношения с Пруссией и немецкими государствами выступает газета «Economist», имевшая торгово-коммерческую направленность. Она предостерегает от экономических убытков в случае обострения отношений с Пруссией и северными немецкими странами⁶⁶. Газета «Daily Telegraph» выступала за «мудрый» и «безопасный курс», отговаривая от «вмешательства за интересы, которые нас не касаются»⁶⁷. «Times» также писала, что «интересы нашей страны не настолько затронуты, чтобы отказаться от миролюбивой политики»⁶⁸. Идея вмешательства была непопулярна.

Так или иначе, английское общество отчетливо видело две возможных взаимоисключающих позиции в Шлезвиг-Гольштейнском кризисе: оказать поддержку Датской монархии и тем самым ухудшить отношения с Австрией и Пруссией, или же придерживаться нейтралитета, ограничиваясь дипломатическими мерами. Имея заинтересованность в сохранении добрых отношений с обеими сторонами кризиса, английское правительство Пальмерстона делало ставку на мирное урегулирование шлезвиг-Гольштейнского вопроса дипломатическими усилиями. Этой позиции придерживались многие общественные круги. При этом, в обществе была уверенность в успехе британской дипломатии. На начальном этапе конфликта компромиссный вариант - широкая дипломатическая помощь

---

⁶⁵ Morning Post. 1863.28.12. Spectator. 1864.5.01.

⁶⁶ Economist. 1864.10.01.

⁶⁷ Daily Telegraph. 1864.17.01.

⁶⁸ Times. 1864.10.02.

Дании и при этом отсутствие действенного сопротивления агрессивным планам немцев – не вызывал резкой критики со стороны английской общественности. Но чем шире обострялся конфликт, тем меньше пространства для лавирования оставалось у британского кабинета. Переход австро-пруссских войск в наступление в феврале 1864 года вызвал новую волну дискуссий в прессе.

Прежде всего, начало войны рассматривалось в обществе, как неудача английской дипломатии, поскольку ставка была сделана именно на дипломатические усилия. Так, 10 февраля издание «Standard» задавалось вопросом: «А не демонстрирует ли начавшаяся война падение международного престижа Англии?»⁶⁹. Вопрос в самом деле правомерен. Историк Нарочницкая среди отрицательных последствий Крымской войны для Англии отмечает падение ее престижа как военной державы, а также провал притязаний Лондона на руководящую роль в Европе⁷⁰. Поэтому опасения газеты «Standard» не кажутся пропагандистскими заявлениями, а, скорее, отражали реальную озабоченность английской общественности.

Реакция другого плана последовала от консервативных представителей парламента. Лидер торийской фракции лорд Дерби, рассчитывая добиться отставки либерального кабинета Пальмерстона, заявил, что, как англичанин, он унижен результатами деятельности правительства в датском вопросе⁷¹. Схожую позицию выражали Б. Дизраели и Р. Кобден. Прежде всего, Пальмерстона критиковали за то, что он оставил «беззащитную» Данию на откуп немецким агрессорам⁷². И все же в их заявлениях сильно видны стремления добиться отставки либерального правительства. Никакой реальной альтернативы политики Пальмерстона они не предлагают, отчего трудно даже предположить, какую политику бы провели они. Поэтому к критике из уст консерваторов необходимо относиться с должной

---

⁶⁹ Standard. 1864.10.02.

⁷⁰ Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии... С. 60.

⁷¹ Роотс Л.К. Шлезвиг-гольштейнский вопрос... С. 96.

⁷² Spectator. 1864.17.02.

осторожностью и учитывать внутривостановические особенности Великобритании.

И все же для многих все еще казалось очевидным, что Англия должна выступать в качестве протектора датского королевства, тем самым угрожая немецким государствам крупной войной. К этому призывало большинство лондонских газет, а издание «Spectator», взывая Пальмерстона к оказанию помощи для Дании, сравнивало немецкие действия в кризисе с действиями России во время венгерского восстания в Австрии в 1848 году⁷³. Это сравнение, конечно, представляется очень странным, но характеризует мнение англичан о том, что европейские дела и конфликты просто не могут решаться без ее участия. Но тем не менее, как правильно подметила Л.К. Роотс, симпатии к Дании и призывы помочь ей были далеки от намерения воевать из-за нее с Австрией и Пруссией⁷⁴. Ряд изданий не скрывает, что датская война не стоит военного вмешательства Британии. Так «Times» пишет, что «положение датчан ужасно, но вряд ли Лондону следует быть втянутым войну из-за заносчивой и авантюрной политики датчан»⁷⁵. «Daily Telegraph» и вовсе пишет то, что «то или иное решение шлезвиг-Гольштейнского вопроса не будет иметь серьезных последствий»⁷⁶. Как известно, Пальмерстон имел определенное влияние на газеты «Times» и «Daily Telegraph» и вполне вероятно, что данные заявления были попыткой сформировать благоприятное общественное мнение. Тем не менее именно так Шлезвиг-Гольштейнский кризис и место Англии в нем представлялся широким кругам английского общества – результаты его урегулирования не окажут сильного влияния на положение Англии в Европе.

Английское правительство и после начала войны не оставило попыток дипломатического урегулирования, но робкие попытки Лондона оказать давление на Пруссию не имели успеха, Бисмарк не верил, что Англия

---

⁷³ Spectator. 1864.17.02.

⁷⁴ Роотс Л.К. Шлезвиг-гоольштейнский вопрос... С. 164.

⁷⁵ Times. 1864.15.02.

⁷⁶ Daily Telegraph. 1864.27.02.

вмешается в одиночку. Тем не менее в английской общественности не были популярны идеи создания коалиции Англии, Франции и России для оказания давления на немцев. Для английской общественности казалось очевидным, что совместное выступление Англии, Франции и России с целью нажима на агрессивно настроенный австро-прусский союз почти невозможно. Слишком сильны были противоречия между тремя невоюющими державами. О невозможности совместного дипломатического демарша пишет «Morning Post». Ностальгически вспоминая о времени подписания Лондонского протокола 1852 года, журналисты газеты пессимистично оценили шансы на совместное выступление европейских дворов, и тем более одиночного вмешательства Англии⁷⁷. Более того, автор правомерно опасается, что в случае вовлечения Англии в конфликт, нет гарантий, что Париж и Санкт-Петербург займут позицию благожелательного нейтралитета. Можно сказать, что английская общественность не возлагала больших надежд на политику других европейских держав, в целом рассчитывая на собственные британские силы.

Другим вопросом, который поглотил значительную долю внимания английского общества был германский вопрос. Английская общественность во многом связывала его решение с Пруссией. Прусская политика, воспринимавшаяся спокойно на начальном этапе кризиса, становилось все более раздражающей для английского общественного мнения, особенно после начала войны. Многие ранее симпатизировавшие Пруссии люди теперь ее опасались. Лондонские издания почти единогласно писали о несправедливости войны, о бедах, перенесенных датчанами. Особенно сильно критиковали прусского министр-президента Бисмарка. Так, «Times» обвиняет его в «неуважении к существующим договорам и хронической неспособность выполнять их»⁷⁸. Писали также о его коварности. Так, «Morning Post» смело заявляет, что «вмешательство Пруссии в дела

---

⁷⁷ Morning Post. 1864.6.01.

⁷⁸ Times. 1864.3.07.

Шлезвига и Гольштейна с самого начала означало их аннексию господином Бисмарком»⁷⁹. Тем не менее, кроме гневных статей в газетах, Англия не смогла дать более существенного ответа немецкой агрессии. Коварство Бисмарка, о котором пишут в английских газетах, сильно преувеличено. Заинтересованность Пруссии в герцогствах, имеющих стратегическое значение на Балтике и в Северном море, не была секретом для мировой общественности еще с 1848 года, когда Гогенцоллерны попытались первый раз завладеть этими землями. А решение этого вопроса Договором 1852 года явно воспринималось временным. Об этом писало издание «Spectator». Так, оно еще в январе 1864 года возлагало вину за возникновение кризиса на британскую дипломатию, которая, по мнению газеты, несправедливо обошлась с немецким населением Шлезвига и Гольштейна в 1852 году⁸⁰. Говорить о том, что Пруссия сильно задела английские интересы не приходится, об этом ярче всего свидетельствует английское невмешательство. Тем не менее общественность не могла положительно оценить сам факт того, что Пруссия в союзе с Австрией «бьют» явно более слабую Данию.

Но так как конфликт уже начался, то наиболее грамотной политикой было бы такое урегулирование конфликта, которое бы сохраняло выгоды прежнего порядка. Это было трудной задачей, и это понимали в обществе. В издании «Spectator» от 16 января 1864 года была опубликована статья, которая отражала сложность выбора, который предстояло сделать Англии. В ней автор прилагает усилия к анализу политического положения Англии, ее роли в Шлезвиг-Гольштейнском кризисе и процессе объединения Германии, а также констатирует ту двоякую ситуацию, в которой оказалась дипломатия Великобритании. То, что автор видит Англию одной из заинтересованных сторон кризиса, видно уже из самого заглавия статьи «Англо-германский вопрос», а в ней он уже напрямую заявляет, что вопрос «уже не датско-

---

⁷⁹ Morning Post. 1864.10.08.

⁸⁰ Spectator. 1864.19.01.

немецкий, а англо-немецкий», тем самым вопросу придается не локальный, а общеевропейский характер⁸¹. В статье автор также приводит аргументы «за» и «против» единства Германии.

Среди аргументов «против» самым значительным для автора видится вопрос о международном престиже. «...сомнительно, не утратила ли бы Англия в большой мере чувство собственного достоинства и не понесла бы оскорблений, за которые в скором времени она должна мстить» - так автор выражает тот ущерб, который бы Англия понесла в случае невмешательства. Автор явно не проявил должной дальновидности, которая присуща журналистам. Снижение международного престижа важное для Англии последствие, но появление национального государства с мощным военным потенциалом вблизи своих границ представляется более существенным последствием.

Но аргументы «за» у автора явно перевешивают. «В течение многих лет опорой государственных деятелей против такого исхода была только сила Германии, эта твердая дамба, вал, стена грязи, если хотите наконец, который препятствует французскому наплыву распространяться по Европе». По мнению автора, немецкие государства всегда являлись естественным врагом французской экспансии, причем с этой задачей Германия справлялась и в раздробленном состоянии. Таким образом, он представляет Германию как бы естественным союзником Англии. Также он добавляет, что стоит также опасаться и российского «распространения». С этой задачей немецкие государства не смогут справиться врозь. Любое вмешательство на стороне Дании - удар по этой дамбе...». То есть, усиливающиеся противоречия Лондона с Санкт-Петербургом и Парижем являлись определяющим фактором в британской политике в шлезвиг-Гольштейнском вопросе. Несмотря на то, что издание «Spectator» на момент 1864 года являлось оппозиционным, в конце статьи автор признает осуществляемую английским правительством Пальмерстона политику невмешательства наиболее

---

⁸¹ Spectator. 1864.16.01.

рациональной. «Баланс доказательств кажется пока еще в пользу политики невмешательства». Это прекрасно отражает то, что идея о единой Германии находила достаточно сторонников среди широких общественных кругов. Не менее смелое заявление можно прочитать в газете Times от 20 июня 1864 года: «Единство Германии - то изменение, которое обе партии в Англии приняли бы с сердечным удовольствием»⁸². Таким образом нельзя говорить о том, что Шлезвиг-Гольштейнский вопрос в Англии не рассматривался как этап в объединении Германии. Более того, английское общество видит в этом положительные моменты для английских национальных интересов.

Английское общество чутко реагирует на усиление Пруссии, которое стало очевидным по окончанию войны. Так в «Spectator» довольно негативно восприняты результаты войны. Автор статьи заверяет, что «немецкие государи вскоре увидят, как их Родина поглощается Гоенцоллернами»⁸³. Этим констатируется значительный рост политического авторитета Пруссии в Германии, подкрепленного военным и экономическим преобладанием. Он также предостерегает Австрию от чрезмерного доверия Бисмарку, заявляя, что «уже сейчас австро-пруссский союз держится с трудом»⁸⁴. Союз и вправду был очень странным. Австрия пошла на него с целью не допустить уменьшения своего влияния в Германском союзе, но тем не менее, после войны, оно стало меньше, по сравнению с прусским.

Так или иначе, английское общество неоднозначно относилось к германскому объединению. Сама идея сильного государства, которое станет противовесом влиянию России и Франции на континенте, воспринималась с большим удовольствием. По наблюдениям множества специалистов, центр внешней политики Англии в середине XIX столетия переносился на колониальные вопросы и экономическую экспансию в колонизируемые территории. Тем не менее Европейский регион оставался важной составляющей в расчетах Английского правительства, хотя бы по той

---

⁸² Times. 1864.20.06.

⁸³ Spectator. 1864.16.07.

⁸⁴ Ibidem.

причине, что Англия сама является частью Европы. Появление сильного союзника на континенте позволило бы Британии уделять меньше внимание на европейские дела, но это было сопряжено с изменением расклад сил в Европе. Такое изменение в европейском балансе сил вполне отвечало лондонской политике. Защита своих интересов чужими руками являлась излюбленным приемом Лондона.

Тем не менее, ломка старого равновесия в Европе воспринималась в Англии болезненно и не могла произойти без падения ее международного авторитета. Невмешательство в Датскую войну 1864 года дало Бисмарку, проводившему в 1860-х объединение Германии, уверенность в благожелательности Лондона. Это не означало, что Лондон терпеливо бы наблюдал за всем, что делала бы Пруссия. Но при умеренности требований и дипломатической грамотности, которыми обладал Бисмарк, нейтрализация Англии оказалась не самой сложной задачей для прусской внешней политики.

Заключение

Шлезвиг-Гольштейнский кризис 1863-1864 гг., несмотря на наличие общих взглядов на причины, масштаб и последствия кризиса по-разному отражался в общественном мнении Англии и России. Прежде всего на эту закономерность влиял различный уровень социально-политического развития каждой из стран и различная степень развитости общественного мнения. В России только начиналась активная фаза промышленного переворота, страна предприняла ряд либерально-буржуазных реформ и события в Шлезвиге и Гольштейне застали страну в самый их пик. Страна следовала по капиталистическому пути развития, что неминуемо вело к повышению роли общества в жизни страны. Период 1855-1865 годов, на который пришлось события Шлезвиг-Гольштейнского кризиса, отмечен в истории, как время небывалого подъема общественной активности. В то же время общественное мнение как политическая сила в России еще находилось на стадии формирования и было подвержено жесткому контролю со стороны правительства. Российская власть, установив границы, в которых могла развиваться общественно-политическая мысль, оказывала подавляющее влияние на формирование общественного мнения, при этом сохраняя возможность игнорировать его при принятии решений. Это придавало российской прессе в основном информативный характер и лишало ее возможности критиковать правительственную политику. Российская общественность в то же время, была сосредоточена на внутренних проблемах страны и уделяла значительно меньше внимания политическим прогнозам и анализу международной обстановки, хотя внешняя политика оставалась важной темой для обсуждений.

Англию Шлезвиг-Гольштейнский кризис застал в тот момент, когда в стране был завершен промышленный переворот, стартовавший еще в XVIII

веке. Страна занимала лидирующие позиции в мире по уровню экономического и социально-политического развития. Это создавало условия для националистического и высокомерного взгляда на международные вопросы, выражавшегося таких ценностях для английской общественности как величие, благополучие и мощь Англии. Общественное мнение в Англии представляло из себя внушительную политическую силу. Власть под угрозой потери занимаемых позиций была вынуждена учитывать мнение общества и не могла уверенно действовать без его одобрения. Несмотря на наличие проблем во внутренней политике, пусть стоявшими и не так остро, английское общество более всего интересовалось внешнеполитическими событиями. Шлезвиг-Гольштейнский кризис 1863-1864 гг. отмечен в английском общественном мнении бурной реакцией в прессе. Совпадая по времени с другими международными политическими процессами, датско-германская распря все же занимала особенное место на страницах английской печати. Это объясняется как географической близостью разразившихся событий, так и важным местом как Дании, так и немецких государств, в дипломатических расчетах Лондона.

Среди вопросов, которые были подняты на обсуждения Шлезвиг-Гольштейнским кризисом, самым важным для Российского общества был вопрос о влиянии кризиса на положение России. Такие приоритеты вполне очевидны, но объясняется помимо всего прочего и отсутствием возможности у российского правительства проводить активную внешнюю политику. Данное обстоятельство, вполне осознаваемое и принимаемое обществом, создавало немало страхов в общественном мнении России. Шлезвиг-Гольштейнский кризис воспринимался как событие, которое будет иметь непосредственное влияние на положение России на Балтике, в Европе и угрожающее ее национальной безопасности. Общественность, прогнозируя различные варианты урегулирования кризиса, в большинстве своем приходила к неутешительному выводу о том, что любой исход событий в

Шлезвиге и Гольштейне, который будет сопряжен с аннулированием Лондонского протокола 1852 года, негативно скажется на интересах России.

Для Английского же общественного мнения самым острым вопросом стала проблема английского вмешательства в конфликт. Несмотря на то, что вступление Англии в конфликт на правах защитника Дании находило немало поддержки на страницах английской печати, оно так и не было осуществлено. Это объясняется не только традиционной для Англии политикой невмешательства в Европейские дела без крайней необходимости, которой большинство английского общества не обнаруживало, но также и нежеланием портить отношения с немецкими государствами, которые играли важную роль дипломатических и геополитических планах Англии.

Германский вопрос, насквозь пронизывающий Шлезвиг-Гольштейнский кризис и будучи одной из его первопричин, по-разному оценивался в Англии и России. Обе страны смотрели на датско-германскую распрю как на шаг к немецкому объединению, хотя и не придавали Датской войне 1864 года решающего значения в этом процессе. Однако для российского общества перспектива единой Германии на западных границах империи явно выглядела устрашающей и невыгодной. Хотя не все газеты враждебно относились к этой идее, но большинство изданий признавало это нежелательным для геополитических интересов империи. Причем отрицательное отношение было к обоим вариантам объединения Германии: и к революционному пути «снизу», несшему в себе угрозу для внутреннего политического устройства России, и к объединению «сверху» под главенством Пруссии, усиление которой воспринималось как угроза западным границам страны. Это проявляется в том, что в России негативно отнеслись сначала к восстанию в Шлезвиге и Гольштейне в ноябре 1863 года, а затем и к развязыванию войны Пруссией против Дании. Английские газеты наполнены различными статьями о германском вопросе, что говорит о его важности для английской политики. Тем не менее германское единство воспринималось там как событие несущее немалые выгоды для

международного положения Англии. Единая Германия виделась английским обществом, как новый игрок в европейском балансе сил, который выступит противовесом влиянию Франции и России. Положительное отношение к объединению немцев присуще различным идейно-политическим группам английской общественности. Несмотря на осуждение агрессивных действий Пруссии, это порицание было скорее с моральной точки зрения, нежели с позиций английских национальных интересов.

Шлезвиг-Гольштейнский вопрос не прошел бесследно ни для российского, ни для английского общества. Он породил абсолютно новые перспективы в европейской политике, которые неоднозначно оценивались в обеих странах. Разница восприятия событий Шлезвиг-Гольштейнского кризиса демонстрирует не только напряженные отношения между Лондоном и Петербургом, но и отсутствие совместных подходов к решению международных проблем, касающихся общей безопасности. Можно говорить о том, что Шлезвиг-Гольштейнский кризис лишь усилил недоверие двух стран, а также негативно отразился на общественных представлениях каждой из стран о друг друге.

Список использованных источников и литературы

I. Опубликованные источники

а) Сборники документов

1. Ключников Ю.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Часть I: От Французской Революции до империалистической войны. М.: Издание Литиздата НКВД, 1925. 446 с.

б) Письма

2. И.С. Аксаков в его письмах. В 3 т. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1892. Т. 3. 514 с.

II. Периодические издания

Пресса

1. Биржевые ведомости. 1863, 1864 гг.
2. Весть. 1863, 1864 гг.
3. Голос. 1863, 1864 гг.
4. День. 1863, 1864 гг.
5. Иллюстрированная газета. 1863, 1864 гг.
6. Московские ведомости. 1863, 1864 гг.
7. Русская газета. 1859 г.
8. Северная пчела. 1863, 1864 гг.
9. Сын Отечества. 1864 г.
10. Daily news. 1864 г.
11. Daily Telegraph. 1864 г.

12. Economist. 1864 г.
13. Morning Post. 1863, 1864 гг.
14. Spectator. 1863, 1864 гг.
15. Standard. 1864 г.
16. Times. 1863, 1864 гг.

III. Литература

1. Блом М.О. Война 1864 года в Дании. СПб.: Военная типография, 1895. 485 с.
2. Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии. // Новая и Новейшая история. 2005. №6. С. 151-181.
3. Виноградов К.Б., Сергеев В.В. Лорд Пальмерстон на вершине политического Олимпа // Монархи, министры, дипломаты XIX – начала XX века: сб. статей. под ред. К.Б. Виноградова. СПб.: Издательство СПбГУ, 2002. С. 51 – 68.
4. Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя Горчакова. М.: Наука, 2005. 318 с.
5. Власов Н. Великий Бисмарк: Железом и кровью. М.: Эксмо, 2011. 544 с.
6. Гросул В.Я. Общественное мнение в России в XIX веке. М.: АИРО – XXI, 2013. 560 с.
7. Джунковский С.С. Политика Дании при Фредерике VII: из записок очевидца, 1855 – 1861 // Вестник Европы. 1866. Т. 4. С. 303 – 324.
8. Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии 1815-1917 гг. М.: Издательство ИМО, 1959. 263 с.
9. Ерусалимский А. С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М.: Наука, 1968. 286 с.
10. Ерусалимский А.С. Бисмарк, как дипломат // Вступ. статья к книге "Мысли и воспоминания" О. Бисмарка. М.: ОГИЗ.СОЦЭКГИЗ, 1940. С. 5 – 48.

11. История России XVIII—XIX веков / под ред. Л.В. Милова. М.: Эксмо, 2006. 782 с.
12. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. В 6 т. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1898. Т. 5. 889 с.
13. Лесник С. Россия и Пруссия в шлезвиг-Гольштейнском вопросе // Красный Архив. 1939. №2. С. 51–118.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1959. Т. 15. 796 с.
15. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1 – 2.
16. Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX века за объединение Германии «сверху». М.: ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1960. 287 с.
17. Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских людей XIX века. М.: РАН. Ин-т всеобщ. истории, 2000. 209 с.
18. Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности конец XVIII – начало XX вв. М.: Новый хронограф, 2007. 400 с.
19. Роотс Л.К. Шлезвиг-Гольштейнский вопрос и политика европейских держав в 1863 – 1864 годах. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1957. 242 с.
20. Саламон Л. Всеобщая история прессы / пер. с нем. Э.Б. СПб.: Улей, 1909. 176 с.
21. Сергеев В.В. Англия и объединение Германии в 1848 – 1871 гг. Л.: Издательство ЛГУ, 1986. 160 с.
22. Тэйлор А.Дж.П. Борьба за господство в Европе. 1848 – 1918 / пер. с англ. А.О. Зеленина, Д.Э. Кунина. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 644 с.
23. Чернышевский, Н.Г. Политика. Из «Современника». Полн. собр.соч. М., 1949. Т. 6. 757 с.
24. Чубинский В.В. Бисмарк: Биография. СПб.: Наука, 1999. 416 с.

25. Чудовский В. Война за Шлезвиг-Гольштейн 1864 года. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1868. 302 с.
26. Штенцель А. История войн на море. М.: Изографус, 2002. 621 с.
27. Энгельгардт Н. Очерки истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703 – 1903). СПб.: Типография А.С. Суворина, 1904. 392 с.
28. Embree M. Bismarck's First War: The Campaign of Schleswig and Jutland, 1864. Solihul: Helion&Company, 2006. 481 p.
29. Headlam J. W. Bismarck and the Foundation of the German Empire. Teddington: The Echo Library, 2007. 235 p.
30. Kennedy P.M. The Rise of the Anglo–German Antagonism, 1860 – 1914. London: George Allen & Unwin, 1980. 604 p.
31. Krein D.F. The last Palmerston government: foreign policy, domestic politics, and the genesis of "splendid isolation". Ames: Iowa State University Press, 1978. 252 p.
32. Marriot J.A.R., Robertson C.G. The evolution of Prussia: The making of an empire. London: Oxford university press, 1965. 502 p.
33. Steinberg J. Bismarck: A life. NY.: Oxford university press, 2013. 578 p.

IV. Диссертационные исследования

1. Духанов М.М. Россия и балтийский вопрос в 60-х годах XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. –М., 1962. 23 с.